

5. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1987. – 371 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–11.
8. Можейко М. А. Автор / М. А. Можейко // Всемирная энциклопедия: Философия XX века. – М. : АСТ – Минск : Харвест, Современный литератор, 2002. – С. 12–13.
9. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – 3-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 304 с.

References

1. Asratjan Z. D. Sootnoshenie ponjatij tekst i diskurs // Kul'tura i obrazovanie, 2014, № 11. Available at: <http://vestnik-rzi.ru/2014/11/2592>.
2. Babenko L. G., Kazarin Ju. V. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika. 3rd ed. M., Flinta, Nauka, 2005. 496 p.
3. Valgina N. S. Teorija teksta. M., Logos, 2003. 173 p.
4. Vinogradov V. V. O teorii hudozhestvennoj rechi. M., Vysshaja shkola, 1971. 240 p.
5. Vygotskij L. S. Psihologija iskusstva. M., Pedago-gika, 1987. 371 p.
6. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p.
7. Karaulov Ju. N., Petrov V. V. Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa // Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. M., Progress, 1989, pp. 5–11.
8. Mozhejko M. A. Avtor // Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija XX veka. M., AST, Minsk, Harvest, Sovremennij literator, 2002, pp. 12–13.
9. Novikov L. A. Hudozhestvennyj tekst i ego analiz. 3rd ed. M., LKI Publ., 2007. 304 p.

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РАССКАЗЕ ПРОТОИЕРЕЯ Н. АГАФОНОВА «ВОЗМЕЗДИЕ»

Мотыгина Жанна Юрьевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: j.motygina@mail.ru

В статье на материале рассказа протоиерея Н. Агафонова «Возмездие» исследуются архетипическая структура произведения и его интертекстуальные особенности. В архетипической структуре главную роль играет архетип «Мудрой Старухи». Он доминирует в сюжете произведения, в системе образов и мифологем. В статье также выявляются интертекстуальные связи рассказа с романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Ключевые слова: архетип, сюжет, система образов, смысловая оппозиция, интертекстуальность

ARCHETYPAL STRUCTURE AND INTERTEXTUAL FEATURES IN THE STORY OF ARCHPRIEST N. AGAFONOV "RETRIBUTION"

Motygina Janna Yu., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: j.motygina@mail.ru.

In the article based on the story of archpriest N. Agafonov «Retribution» the archetypal structure of the piece and its Intertextual features are explored. In the archetypal structure the central role is played by the archetype of the "Wise old

woman". It dominates in the plot of the story, in the system of images and mythologems. The article also identifies the intertextual connections between the story and the novel by M. Bulgakov "The Master and Margarita".

Keywords: archetype, skeleton story, system images, meaning the opposition, Intertextuality

Рассказ «Возмездие» протоиерея Николая Агафонова замыкает сборник рассказов писателя «Преодоление земного притяжения». Данный цикл рассказов и другие книги православного писателя Николая Агафонова при большом разнообразии фабульного материала раскрывают особенности духовной жизни и специфику православного сознания русских людей советского и постсоветского периодов.

В рассказе «Возмездие», как и в других своих произведениях, писатель расширяет временные границы повествования, показывая жизнь нескольких поколений одной семьи и выявляя при этом тайные духовные законы приумножения и сохранения рода или его исчезновения при полной потере духовности. В мифологической структуре рассказов писателя мы встречаем образы-архетипы, позволяющие проследить процесс преобразования хаоса жизни в стройную логику житетворения.

А.Я. Эсалнек пишет о том, что «понятие "архетип" как инструмент исследования позволяет увидеть многие существенные стороны в содержании художественных произведений, прежде всего преемственность в жизни человеческого рода, неразрывную связь времён, сохранение памяти о прошлом, т.е. архетипической памяти, в чём бы она ни проявлялась» [6, с. 36].

По мнению Е.М. Мелетинского, архетип Мудрого Старика или Мудрой Старухи является наивысшей степенью развития человека, личность которого, окончательно отделившись от коллективного бессознательного, через осознание «анимы» и «анимуса» – женской и мужской составляющих подсознательного – достигает психологической целостности [4, с. 42].

В рассказах писателя часто встречается образ мудрой пожилой женщины или мудрого старика, сохраняющих крупницы православной веры в тяжёлые времена бездуховности и атеизма. Это Анастасия Матвеевна из рассказа «Победа над смертью», Николай Иванович Луговой («Чаю воскресения мёртвых»), протоиерей Фёдор Миролубов («Погиб при исполнении (Некриминальная история)»), игуменя Евфросиния («На реках Вавилонских...») и т.д. Главная героиня рассказа «Возмездие» Раиса Кузьминична является в своей семье хранителем православной веры.

Образ-архетип Мудрой Старухи, как и архетип Мудрого Старика, предстаёт как архетип Духа, в котором сохраняется связь с высшим бессознательным, позволяющим ему в сюжетной структуре произведений реализовать функции наставничества, философско-религиозного осмысления мира, ведовства, врачевания тела и духа.

Героиня рассказа Раиса Кузьминична пронесла через всю жизнь православную веру. Её образ можно рассматривать через призму идиллической традиции, как эмоционально-смыслового начала, актуального при изображении архетипа старика и/или старухи. Некоторые идиллические черты присутствуют в экспозиции рассказа, так как для героини значимым элементом хронотопа является её дом: «Жила себе Раиса Кузьминична, ветеран Великой Отечественной войны, особо не тужила. Скромно жила, в маленькой крохотной квартирке, которая располагалась в старом покосившемся деревянном домике, в центре Самары. В своей маленькой квартирке ей было привычно и уютно. Есть где помолиться, поспать, да покушать, а чего ещё старому человеку надо. Самое главное, её любимый Покровский собор рядом, ходить далеко не надо» [1, с. 125].

Завязка рассказа также связана с потерей старого («ветхого») жилья и приобретением нового – на окраине Самары, где и располагалась новостройка. Для Раисы Кузьминичны было очень важно, чтобы рядом с новым жильём была православная церковь. Благодаря своему военному прошлому она получила новую однокомнатную квартиру в центре города. Новую квартиру посетили сын со снохой и внуком. Вот тогда-то и зародился у снохи план – улучшить свои жилищные условия за счёт жилья свекрови. Сноха не любила свекровь, запрещала внуку встречаться с бабушкой: «А то ещё научит мальчика молиться, – говорила она, – а сын должен расти современным человеком, без всяких предрассудков». «Сын вырос действительно без всяких предрассудков, к родителям относился вполне по-современному – потребительски» [1, с. 126].

Обещаниями, ласками да увещеваниями удалось снохе уговорить Раису Кузьминичну обменять две квартиры на одну просторную трёхкомнатную недалеко от центра. Находится рядом с сыном и внуком, быть молитвенным заступником и помощником своим близким – это была заветная мечта старушки, и она согласилась поселиться в комнату на солнечной стороне.

В структуре рассказа в оппозицию вступают архетип Мудрой Старухи и мифологема матери в её амбивалентной природе (Деметра – мать милостивая, щедрая или ужасная). Коварное поведение снохи, её притворство по отношению к свекрови подводят главную героиню к трагической развязке и реализует для неё сюжетный архетип «Открытие», когда человек с большим разочарованием познаёт истину о себе или окружающем мире: «Но не прошло и месяца, как она горько пожалела о том, что согласилась на этот обмен. Жизнь её потихоньку превратилась в кошмар. Раиса Кузьминична расстраивалась, переживала, потом и вовсе занемогла и слегла в постель. "Зачем для лежачего человека такая большая комната", – решила сноха и перенесла больную в кладовку. Благо кладовка была просторная, во всяком случае, кровать и маленькая тумбочка для лекарств в ней уместились. Правда, в кладовке света солнечного уже не было, и воздух был спёртый. Но зато теплилась лампадка перед иконами» [1, с. 127].

Архетипический образ старушки соотносится в семантической структуре рассказа с образом-символом света (комната, наполненная солнечным светом, – символ полноты жизни и заботы близких). Солнечный свет, приходящий извне, является для героини иллюзией и обманом. Но она сама является источником другого – духовного – света для близких. Этот свет (свет молитвенного бдения) реализуется предметно в образе лампадки перед иконами: «Теплится лампадка, освещает лик Пресвятой Богородицы. Лежит Раиса Кузьминична и шепчет молитвы. [...] Молится и о своём неблагодарном сыне, и о беспутном внуке. И уж совсем нет желания молиться за сноху, но ведь Господь повелел: "молитесь за обижающих вас", потому и за неё молится. Так с молитвой на устах и отошла раба Божия Раиса в мир, где нет ни болезни, ни печали» [1, с. 127].

Этот духовный свет православной молитвы и рождающаяся из него благодать, как заступничество небесных сил, разделяют хронотоп произведения на два мира. Это двоемирие можно рассматривать в двойной проекции: мир земной и мир небесный, где «нет ни болезни, ни печали». Но и мир земной с присутствием благодати оказывается более одухотворённым и защищённым от бед и демонических сил. Главная героиня умерла, но сила её молитв была очень действенной: «Благодать почти осязаемым образом исходила из полутёмной кладовки и освещала всю квартиру и живущих в ней. Не стала жить здесь раба Божия Раиса и благодать ушла из этого места. [...] Внешне ничего не изменилось в семье её сына. Но это только внешне, а на самом деле беда уже угнездилась здесь давно» [1, с. 127].

Б.В. Ничипоров в своей книге «Введение в православную психологию», вспоминая родословную Иисуса Христа, названную в Евангелии от Луки («Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев..., Иосиев..., Симеонов..., Авраамов..., Еносов, Сифов, Адамов, Божий» (Лк. 3, 23-38)) [2, с. 65–66], говорит о том, «что в духовном смысле род только тогда имеет корень, когда он обожен, одухотворен. Отсутствие или снижение духовности рода ведёт к снижению энергетики рода» [5, с. 58]. Именно такая беда нависла и над родом Раисы Кузьминичны.

Далее сюжет рассказа развивается в соответствии со своим названием. Возмездие, то есть почти полное уничтожение рода, наступает за потерю духовности, за отказ от своих православных корней. Внук героини Сергей со своим дружкой Димкой Кругловым стали принимать наркотики, потом совершать мелкие кражи, потом – разбойные нападения. Мать пожинала плоды своего воспитания, но продолжала поучать сына: «"Погоди, придёт отец, я ему расскажу, как ты с матерью разговариваешь", – пригрозила она. "А пошли вы вместе с отцом, знаешь куда?". Когда он сказал, куда им идти с отцом, мать от возмущения не могла вымолвить ни слова, а лишь как рыба безмолвно открывала рот» [1, с. 128]. Потеря духовной составляющей, на которую опирается род этой семьи, происходила не одномоментно. Свою негативную лепту внесли сын Раисы Кузьминичны и сноха, которая оградила внука от общения с верующей бабушкой.

Главная сюжетная линия в рассказе опирается на такую абстрактную величину, как духовность, основанную на истинности православной веры. Сюжетные перипетии, двигающие эту сюжетную линию, зависят от представителей мира иного: от сил ангельского, божественного происхождения, которым молилась бабушка, и сил демонических, которые и осуществляют функцию «возмездия». Поэтому в конце рассказа сюжетная линия, в которой за душу последнего представителя рода идёт борьба этих двух сил, подходит к своей развязке.

Внук Раисы Кузьминичны со своим дружкой совершают кражу в квартире на двенадцатом этаже, но кража оборачивается разбойным нападением с убийством. Круглов, опасаясь преследования милиции, перелезая через балкон, срывается и разбивается. Сергей не смог убежать, также рискуя разбиться, так как на него упал шкаф и сломал ему ногу. Он оказался рядом с трупом убитой Кругловым пожилой хозяйки этой квартиры. В момент страха и боли Сергей как человек со стойкой наркотической зависимостью начинает видеть существо из другого мира, похожее на чёрного кота и даже вступает с ним в диалог: «– Я её не убивал, – сказал Сергей. Я всё видел, – сказал кот, – но меня всё это мало интересует, этим занимается шестой убойный отдел, а я сотрудник пятого особого отдела. По нашему отделу проходят только нарушители пятой заповеди. – Какой такой пятой? – не понял Сергей. Он присматривался к коту и порой обнаруживал, что это вовсе не кот, а маленький чёрный человечек с хвостом. – Не забивай себе голову лишней информацией, – махнул лапой кот, – незнание заповедей не освобождает от ответственности. Лучше их не знать, спокойней спишь» [1, с. 128]. В этом диалоге речь идёт о пятой библейской заповеди: «Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе было хорошо и чтобы ты долго жил на земле» (Мр. 7:10; Исх. 21:17) [2, с. 46]. Известно, что в Ветхом Завете тот, кто злословил на отца или мать, наказывался смертью. Этот грех и был продемонстрирован Сергеем.

Дальше начинается совершаться то самое возмездие: отец Сергея умирает от инфаркта, мать по причине стресса и прогрессирующего сахарного диабета умирает через три месяца в больнице после ампутации обеих ног.

Кот, став постоянным собеседником внука, докладывает Сергею, что он не упал с двенадцатого этажа и не погиб только благодаря молитвам его бабушки: «Что, болит нога-то? Это тебе твоя родная бабка подсурошила.

Выпросила у Распятого, чтобы твой небесный сенкьюрик в дело вмешался. Вот он тебе шкаф-то на ногу и опрокинул» [1, с. 129].

Та самая «благодать», которая действовала при жизни Раисы Кузьминичны благодаря её молитвам, продолжает быть действенной и после её смерти. Велика была сила той молитвы, которая, проведя последнего представителя этой семьи через суд, психиатрическую лечебницу и другие страдания, связанные с тюремным заключением, подвела его к духовному перерождению.

После претворения в рассказе архетипического сюжетного мотива – «Наказание за преступления», вступает в силу другой архетипический сюжетный мотив – «Преображение», когда герой меняется в лучшую сторону в результате обретения любви, веры, новой идеологии: «Сергей, после лечения в психиатрической больнице, был направлен в колонию строгого режима, для отбывания довольно-таки длительного срока. В этой колонии заключёнными была построена часовня во имя преподобного Сергия, игумена Радонежского. Сергей стал очень религиозным человеком, старался не пропускать ни одного богослужения. Часто исповедовался и причащался. Был добр и миролюбив со всеми, кроме котов» [1, с. 129].

Это и является развязкой главной сюжетной линии: род Раисы Кузьминичны в лице её внука снова обретает духовный корень – православную веру.

В семантической и образной структуре рассказа можно встретить интертекстуальные аллюзии на роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», например, неожиданное появление среди персонажей рассказа чёрного говорящего кота. В романе Булгакова кот, оставаясь демоническим существом, выполняет иногда роль помощника, развлекающего Маргариту, поясняющего ей суть происходящего и подсказывающего, как себя вести, особенно в эпизоде бала у сатаны. В рассказе Н. Агафонова кот не имеет таких размеров, но выполняет похожие функции, обладая таким же ироническим, немного эпатирующим складом характера.

В романе М. Булгакова речь идёт о двух «ведомствах»: «Дуалистический принцип, положенный в основу романа, выразился в концепции "разделения ведомств": "Каждое ведомство должно заниматься своими делами", – произносит Воланд. При этом необходимо заметить, что это не ведомства Добра и Зла, а "Царство света" и "Царство тьмы". [...] Владыкой "Царства света" оказывается Иешуа, и функцией этого ведомства – Милосердие. А ведомство Воланда вершит Справедливость, потому что фейерверк "наказующего зла", которым владеет и играет Сатана, – это неизбежное следствие принципа обходиться с каждым по заслугам» [3, с. 28], – отмечает литературовед Т.Ю. Малкова. В рассказе «Возмездие» кот упоминает о «пятом особом» и «шестом убойном» отделах, которые работают так же, как и представители из свиты Воланда, провоцируя, искушая и наталкивая своих «подопечных» или, как в рассказе Н. Агафонова – «клиентов», на совершение всё новых грехов.

И в рассказе Н. Агафонова, и в романе М. Булгакова мы наблюдаем столкновение света и тьмы, добра и зла, равновесие которых предполагается и реализуется через композицию романа «Мастер и Маргарита». Название рассказа «Возмездие» предполагает показ разгулявшегося в мире без Бога зла, чему посвящена вся середина рассказа. Благодаря продуманной композиции в начале и в конце рассказа действует персонаж, символизирующий свет и силы добра – Раиса Кузьминична. По мысли автора, зло коренится в отступничестве от Бога, в несоблюдении его заповедей. Название рассказа Н. Агафонова также актуализирует семантику «наказующего зла», идею справедливости.

Архетип «Мудрая Старуха» через образ главной героини рассказа реализует в сюжете коммуникативную, эстетическую и воспитательную функции, знакомя читателя с писательским аксиологическим опытом, повышая его духовный потенциал и приобщая к традиционным формам религиозного сознания.

Список литературы

1. Агафонов Н. В. Преодоление земного притяжения (сборник рассказов) / Н. В. Агафонов. – Самара, 2004. – 131 с.
2. Библия (Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета). – Чикаго, 1990. – 1223 с.
3. Малкова Т. Ю. Милосердие и справедливость в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Т. Ю. Малкова // Филология и лингвистика в современном обществе : мат-лы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М. : Буки-Веди, 2014. – С. 27–30.
4. Мелетинский Е. М. Аналитическая психология и проблемы происхождения архетипических сюжетов / Е. М. Мелетинский // Вопросы философии. – 1991. – № 10. – С. 41–47.
5. Ничипоров Б. В. Введение в христианскую психологию / Б. В. Ничипоров. – М., 1994. – 187 с.
6. Чернец Л. В. Введение в литературоведение : учеб. пос. / Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа, 2004. – 680 с.

References

1. Agafonov N. V. Preodolenie zemnogo pritjazhenija (sbornik rasskazov). Samara, 2004. 131 p.
2. Biblija (Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta). Chikago, 1990. 1223 p.
3. Malkova T. Ju. Miloserdie i spravedlivost' v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» // Filologija i lingvistika v sovremennom obshhestve (Moscow, November 2014). M., Buki-Vedi, 2014, pp. 27–30.
4. Meletinskij E. M. Analiticheskaja psihologija i problemy proishozhdenija arhetipicheskijh szuzhetov // Voprosy filosofii, 1991, № 10, pp. 41–47.
5. Nichiporov B. V. Vvedenie v hristianskuju psihologiju. M., 1994. 187 p.
6. Chernec L. V. Vvedenie v literaturovedenie. M., Vysshaya shkola, 2004. 680 p.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АВТОРОВ)

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, директор Северокавказского научно-исследовательского института филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357432, Россия, Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Калабергенова Айнара Кадрбаевна, Каспийский государственный университет технологии и инжиниринга имени Ш. Есенова, 130003, Республика Казахстан, г. Актау, 32 микрорайон.

В статье исследуется проблема этнонациональной ментальности на примере северокавказской поэзии. Стремление воспроизвести эволюцию национального характера было неотъемлемо и от корректировки системы изобразительных средств. В горских литературах сложилась традиция «воспевания» своего народа. Проблема этнонациональной ментальности в контексте культурных традиций в её ценностно-когнитивном аспекте показана на примере поэтических произведений о женщине Северного Кавказа.

Ключевые слова: ментальность, поэзия, Северный Кавказ, национальный характер, образ женщины, традиция